

телей ея передаться королевичу, какъ было во время Шуйскаго; они представляли, что удаленіе къ Калугѣ дастъ московскимъ воеводамъ возможность овладѣть Вязмою и отрѣзать Поляковъ отъ Смоленска.

Это мнѣніе превозмогло, но, прежде чѣмъ идти къ Москвѣ, нужно было овладѣть Можайскомъ, чтобъ не оставить у себя въ тылу князя Лыкова. Взять Можайскъ приступомъ не было никакой надежды по неимѣнію осадныхъ орудій, а потому рѣшили идти къ Борисову Городищу, взять его силою или заставить Лыкова выйти изъ Можайска и сразиться въ чистомъ полѣ, гдѣ Поляки, по опыту, надѣялись вѣрнаго успѣха. Два раза польское войско ходило на приступъ къ Борисову, и два раза было отбито. Въ концѣ іюня Лыковъ писалъ къ государю, что королевичъ стоитъ подъ Борисовымъ Городищемъ; Михаилъ велѣлъ князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкасскому перейти изъ Волока въ Рузу, оттуда ссылаться съ Лыковымъ и по вѣстямъ идти къ нему въ Можайскъ; Пожарскому велѣно было выйти изъ Калуги въ Боровскъ и помогать оттуда Можайску; изъ Москвы къ Боровску велѣно двинуться Курмашъ-Мурзѣ-Урусову съ юртовскими Татарами и астраханскими стрѣльцами. 30 іюня Лыковъ опять писалъ въ Москву, что наканунѣ 29-го королевичъ и гетманъ приходили изъ-подъ Борисова Городища къ Можайску, но Русскіе люди изъ острога противъ нихъ выходили, Литовскихъ людей отъ Можайска отбили, языковъ взяли, и королевичъ пошелъ назадъ подъ Борисово Городище. Прошло двадцать дней. Черкасскій пришелъ въ Можайскъ, и 21 іюля писалъ государю, что наканунѣ пришли изъ-подъ Борисова Городища подъ Можайскъ многіе Польскіе и Литовскіе люди, разбѣзжаютъ мѣсто подъ Лужецкимъ монастыремъ по Московской дорогѣ къ Рузѣ, и надобно думать, что хотятъ отнять Московскую дорогу отъ Можайска; князь Лыковъ писалъ, что, по словамъ перебѣжчика, королевичъ и гетманъ пришли со всѣми людьми изъ-подъ Борисова къ Можайску на осаду. Государь немедленно созвалъ бояръ и приговорилъ: Можайское стоянѣ, и промысль, и отходъ положить на воеводъ князей Лыкова и Черкаскаго; если имъ, смотря по тамошнему дѣлу, можно въ Можайскѣ быть, то они бы, прося у Бога помощи, надъ Литовскими людьми промышляли и съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ ссылались, чтобъ надъ Литовскими людьми вмѣстѣ имъ промышлять, какъ Богъ вразумитъ. А если узнаютъ, что королевичъ и гетманъ и Литовскіе люди пришли подъ Можайскъ на осаду, и почаятъ отъ нихъ крѣпкой осады и дорожной отнимки, то они бы въ осадѣ не сажались, шли бы въ отходъ къ Москвѣ со всѣми людьми, которою дорогою бережнѣе и куда можно, и совѣтовались бы объ отходѣ тайно, чтобъ никто не зналъ. А на которую дорогу отходъ свой приговарять, — и они бы послали отъ себя къ боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, тайно же,

чтобъ онъ на ту дорогу подставлялся, остроги или полки подводилъ и помогалъ имъ. А какъ въ отходъ пойдутъ, и они бы въ Можайскѣ оставили съ воеводою Оедоромъ Волынскимъ осадныхъ людей къ прежнимъ въ прибавку, чтобъ въ Можайскѣ въ осадѣ сидѣть было безстрашно.

29 іюля Лыковъ доносилъ, что Литовскіе люди къ ихъ острожкамъ приходятъ каждый день, изъ наряду и мушкетовъ стрѣляютъ и ратныхъ людей побиваютъ, и 27 числа ранили воеводу князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго; и теперь Литовскіе люди шанцевъ прибавляютъ позади Якиманскаго монастыря, и за рѣкою Можаяю поставили противъ ихъ острожковъ нарядъ, бьютъ изъ шанцевъ въ оба острожка и тѣсноту чинятъ великую. По польскимъ извѣстіямъ, у Русскихъ побито было болѣе 1,000 человекъ. Была бѣда и другого рода: ратные люди, подстрекаемые Ярославцемъ Богданомъ Тургеневымъ, Смоляниномъ Тухачевскимъ и Нижегородцемъ Жедринскимъ, приходили на воеводъ съ большимъ шумомъ и указывали, чего сами не знали, — едва дѣло обошлось безъ крови. Тогда государь уже рѣшительно приказалъ остаться въ Можайскѣ осаднымъ воеводою Волынскому, а Черкасскому и Лыкову со всѣми людьми отходить къ Москвѣ какъ лучше и здоровѣе. Пожарскій, стоявшій въ Боровскѣ, получилъ приказъ идти къ Можайску на то мѣсто, гдѣ воеводы ему присрочать, и помогать имъ, а изъ Борисова свести къ себѣ осадныхъ людей со всѣми запасами въ то самое время, какъ Черкасскій и Лыковъ пойдутъ въ отходъ; когда же они отъ Можайска отойдутъ, то Пожарскій долженъ былъ возвратиться въ Боровскъ. Въ первыхъ числахъ августа, выбравши темную бурную ночь, при проливномъ дождѣ, Черкасскій и Лыковъ вышли потихоньку изъ можайскихъ острожковъ и 6 числа достигли Боровска, откуда двинулись къ Москвѣ. Поляки немедленно заняли покинутый и сожженный Русскими Борисовъ. Сюда къ нимъ пріѣхалъ Левъ Сапѣга, который ѣздилъ въ Варшаву за деньгами; вмѣсто денегъ онъ привезъ одно только обѣщаніе, и тогда войско, въ которомъ иные двѣнадцать дней не видали куска хлѣба, взбунтовалось и толпами начало покидать станъ. Съ большимъ трудомъ комиссары успѣли успокоить его, обѣщавши выплатить жалованье 28 октября, и, несмотря на то, четыре хоругви оставили станъ, не считая уже вышедшихъ поодиначкѣ.

Въ такихъ обстоятельствахъ Ходкевичъ опять предлагалъ расположиться между Калугою и Боровскомъ, въ краю менѣе разоренномъ. Но комиссары никакъ не соглашались: они хотѣли во что бы то ни стало кончить войну къ сроку, а изъ этого годичнаго срока оставалось теперь менѣе пяти мѣсяцевъ, и потому они рѣшили идти прямо на Москву, отправивши туда грамоту, въ которой Владиславъ писалъ, что это только совѣтники Михаила Романова увѣряютъ, что онъ идетъ на истребленіе православной вѣры, а у него этого и на

умѣ нѣтъ. Получивши вѣсть изъ Можайска, что Владиславъ идетъ на Москву, Михаилъ 9 сентября созвалъ соборъ и объявилъ, что онъ, „прося у Бога милости, за православную вѣру противъ недруга своего Владислава обѣщался стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть, съ королевичемъ и съ Польскими и Литовскими людьми биться, сколько милосердый Богъ помочи подастъ, и они бы—митрополиты, бояре и всякихъ чиновъ люди—за православную вѣру, за него, государя, и за себя съ нимъ, государемъ, въ осадѣ сидѣли, а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушались“. Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную вѣру и за него, государя, стоять, съ нимъ въ осадѣ сидѣть и биться съ врагами до смерти, не щадя головъ своихъ. И тутъ же сдѣланы были всѣ распоряженія, кому и съ кѣмъ защищать разныя части Москвы. Опять пошли изъ Москвы грамоты по городамъ, чтобъ жители ихъ, памятуя Бога, православную вѣру, крестное цѣлованіе и свои души, усердно помогали государству въ настоящей бѣдѣ людьми и деньгами.

Не одинъ Владиславъ съ своимъ небольшимъ войскомъ приближался къ Москвѣ: шелъ на нее съ другой стороны малороссійскій гетманъ Конашевичъ Сагайдачный съ 20,000 казаками, разоривъ на дорогѣ Путивль, Ливны, Елецъ, Лебедянь; послѣдній городъ былъ взятъ потому, что уѣздные люди воеводѣ не послушались, въ осаду не пошли; Елецъ былъ взятъ потому, что воеводѣ его, Полеву, ратное дѣло было не за обычай; Сагайдачный обманулъ его: скрылъ въ одномъ мѣстѣ засаду, а самъ съ остальными людьми пошелъ на приступъ; воевода вывелъ противъ него все свое войско, а между тѣмъ засада вошла въ городъ и овладѣла имъ. Но Михайловымъ Сагайдачному не удалось овладѣть. Услыхавъ о приближеніи Сагайдачнаго, царь приказалъ идти противъ него Пожарскому изъ Боровска; Пожарскій выступилъ по дорогѣ къ Серпухову, но сильно занемогъ, ратные люди остановились и не хотѣли идти противъ непріятеля съ больнымъ воеводою; казаки воспользовались этимъ случаемъ и стали воровать. Тогда государь велѣлъ больному Пожарскому ѣхать въ Москву, а товарищу его, князю Григорію Волконскому, велѣлъ стать на Коломнѣ и не пропускать Сагайдачнаго черезъ Оку; но Волконскій не былъ въ состояніи удержать гетмана отъ переправы и долженъ былъ заключиться въ Коломнѣ, гдѣ въ полкахъ у него встала рознь между дворянами и казаками; послѣдніе ушли изъ Коломны, стали во Владимірскомъ уѣздѣ, въ отчинѣ князя Мстиславскаго, и оттуда много мѣстъ запустошили. 17 сентября королевичъ стоялъ въ Звенигородѣ, Сагайдачный—въ селѣ Бронницахъ, Коломенскаго уѣзда. 20 сентября королевичъ сталъ въ знаменитомъ Тушинѣ; Сагайдачный появился у Донскаго монастыря и началъ пропускать обозы свои для соединенія съ королевичемъ; бояре съ войскомъ вышли—было изъ Москвы,

чтобъ воспрепятствовать этому соединенію, но на московскихъ людей, по словамъ лѣтописца, напалъ ужасъ великій, и они безъ бою пропустили гетмана мимо Москвы въ таборы къ Владиславу. Ужасъ Москвичей увеличила еще комета, которая головою стояла надъ самымъ городомъ: царь и всѣ люди, смотря на звѣзду, думали, что быть Москвѣ взятой отъ королевича. Между тѣмъ подъ Москвою шли переговоры: Владиславъ требовалъ подданства, называя себя царемъ Московскимъ; бояре вымарывали въ грамотахъ дегтемъ этотъ титулъ королевича и тянули дѣло, поджидая союзниковъ—голодъ и холодъ. Но Поляки не хотѣли дожидаться, и въ ночь на первое октября повели приступъ; осажденные были предувѣдомлены изъ непріятельскаго стана и готовы къ отпору. Кавалеръ Новодворскій сдѣлалъ проломъ въ переднемъ городкѣ и дошелъ до самыхъ Арбатскихъ воротъ; но здѣсь, прикладывая къ нимъ петарду, былъ раненъ въ руку изъ мушкета. Вслѣдъ за этимъ Русскіе сдѣлали вылазку изъ воротъ и схватились съ непріятелемъ, обстрѣливаемымъ со всѣхъ сторонъ; Поляки держались до свѣта, но, не получая помощи отъ своихъ, отступили. Арбатскія ворота и мѣста отъ Арбатскихъ до Никитскихъ воротъ вѣдалъ во время приступа окольникій Никита Васильевичъ Годуновъ, съ 457 человекъ, а въ Арбатскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Данила Леонтьевъ, Иванъ Урусовъ и дьякъ Антоновъ. Приступъ къ Тверскимъ воротамъ былъ еще менѣе удаченъ, потому что лѣстницы, принесенныя Поляками, были слишкомъ коротки. Тверскія ворота и пространство отъ Тверскихъ до Петровскихъ воротъ, до Трубы и до Срѣтенскихъ воротъ были поручены князьямъ Данилѣ Мезецкому и Григорію Волконскому съ 562 человекъ пѣхоты, съ 22 конницы, въ самыхъ же Тверскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Василій Монастыревъ, Семенъ Дуниловъ и дьякъ Головинъ. Поляки, по ихъ извѣстіямъ, потеряли у Арбатскихъ воротъ 30 человекъ убитыми и болѣе 100 ранеными. Въ неуспѣхѣ, разумѣется, обвиняли главнаго вождя Ходкѣвича: зачѣмъ не была соблюдена тайна на счетъ приступа; зачѣмъ повѣрили лазутчикамъ, давшимъ невѣрное показаніе о высотѣ стѣнъ; зачѣмъ Новодворскому не было подано помощи, потому что Русскіе у Арбатскихъ воротъ показали было тылъ, но ихъ удержала нѣмецкая пѣхота, стоявшая у Никитскихъ воротъ. Но, по русскимъ официальнымъ извѣстіямъ, у Никитскихъ воротъ не было Нѣмцевъ.

Знаменитый польскій наѣздникъ Чаплинскій погибъ на Вохнѣ отъ служекъ Троицкаго монастыря послѣ неудачъ подъ этимъ монастыремъ, но за то и съ русской стороны погибъ также знаменитый наѣздникъ, причинявшій много вреда литовскому войску, Канай Мурзинъ, въ крещеніи названный княземъ Михаиломъ. Начались опять переговоры: рѣшили, что уполномоченные, съ русской стороны бояре—Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Да-

нила Мезецкій, окольничій Артемій Измайловъ и дьяки Болотниковъ и Сомовъ, а съ польской — князь Адамъ Новодворскій, бискупъ Каменецкій, Константинъ Плихта, Левъ Сапѣга и Яковъ Собѣскій, — съѣдутся на рѣкѣ Прѣснѣ 20 октября. Русскіе послы, отправлявшіеся отъ бояръ и отъ всей Думы, получили наказъ: „Противъ королевскаго имени шапки снимать только въ томъ случаѣ, когда литовскіе послы станутъ снимать шапки къ государеву имени. Говорить литовскимъ посламъ: сами вы писали, что добраго дѣла и покою христіанскаго хотите, а теперь вы такое несходительство къ доброму дѣлу объявили, великаго государя нашего имени въ рѣчахъ своихъ не именуете; и тутъ какому доброму дѣлу быть, и чьи мы на обѣ стороны послы? вы нашего государя имени въ рѣчахъ своихъ не именуете, а мы вашего короля именовать не станемъ!“ — и такимъ образомъ съ ними о всякихъ дѣлахъ говорить и въ рѣчахъ своихъ короля не называть, развѣ случится королевское имя вымолвить, говоря о разореніи Московскаго государства. Когда литовскіе послы станутъ просить городовъ, или королевскихъ и королевичевыхъ подъемовъ и накладовъ, или какихъ-нибудь убытковъ, то посламъ отвѣчать: „Какіе убытки учинились отъ государя вашего и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей въ Московскомъ государствѣ, — того и въ смѣту нельзя положить, что объявилось по запискѣ, и что Оедька Андроновъ сказалъ, что отослано къ королю всякихъ узорочей, и что по королевскимъ грамотамъ дано на рыцарство, депутатамъ и Нѣмцамъ, полковникамъ и ротмистрамъ и Сапѣгина войска депутатамъ, и по договору гетмана депутатамъ же, и Сапѣгѣ, и посламъ литовскимъ и польскимъ, — на приказные расходы, и къ Александру Гонсѣвскому на дворъ, и полковникамъ, и ротмистрамъ, по Александровымъ картамъ, и Русскимъ людямъ, и пушкарямъ, и стрѣльцамъ московскимъ, которые были у васъ, золотомъ и серебромъ и всякою рухлядью по меньшей цѣнѣ на 912,113 рублей и 27 алтынъ, а золотыми польскими 340,379 золотыхъ 13 грошей.“

Уполномоченные съѣхались и говорили, т. е. спорили, не сходя съ лошадей: Левъ Сапѣга началъ говорить о правахъ Владислава на Московскій престолъ, вычислялъ выгоды для Москвы отъ его принятія, невыгоды, если не захотятъ принять. Московскіе уполномоченные отвѣчали: „Не дали вы намъ королевича тогда, когда мы всѣ его хотѣли и долго ждали; потомъ кровь многая была пролита, и мы другого государя себѣ выбрали; крестъ ему цѣловали, вѣнчанъ онъ уже вѣнцомъ царскимъ, и мы не можемъ отъ него отступить; хотимъ заключить перемиріе между государями на 20 лѣтъ, если вы уступите намъ Смоленскъ, Рославль, Дорогобужъ, Вязьму, Козельскъ и Бѣлую“. Поляки, смѣясь надъ этими требованіями, продолжали толковать о королевичѣ; московскіе уполномоченные отвѣчали: „Скажите вы намъ, если, мимо королевича, хотите доброе дѣло дѣлать, то и мы

будемъ къ доброму дѣлу сходимельны; и хотимъ вмѣстѣ съ вами искать всякихъ мѣръ, какъ бы съ обѣихъ сторонъ покой установить; если же о королевичѣ говорить не перестанете, то уже мы съ вами съѣзжаться больше не будемъ“. Поляки возражали: „Вамъ же хуже, если переговоры порвете, — государь королевичъ пойдетъ съ войскомъ за столицу, и что еще остается у васъ неспаленнаго и неопустошеннаго, отъ того останется только земля да вода“. Слѣдующіе съѣзды, 23 и 25 октября, прошли въ спорахъ о городахъ, которые Москва должна уступить Литвѣ, и о срокѣ перемирія. Поляки требовали много городовъ и назначили слишкомъ краткій срокъ перемирія.

Между тѣмъ наступили холода; Владиславъ снялъ станъ и двинулся изъ Тушина по Переяславской дорогѣ, вслѣдствіе чего съѣздъ уполномоченныхъ 27 октября былъ уже не на Прѣснѣ, а за Срѣтенскими воротами, по Троицкой, дорогѣ; и такъ какъ здѣсь не послѣдовало соглашенія, то съѣзды должны были прекратиться, ибо литовскіе послы не могли оставаться подъ Москвою по удаленіи королевича. Въ такихъ обстоятельствахъ князь Новодворскій съ товарищами отправилъ отъ себя пословъ въ Москву — Христофора Сапѣгу, Карсиньскаго и Гридича, которые и заключили здѣсь предварительный договоръ съ условіемъ, чтобъ окончательно утвердить его на съѣздѣ съ великими послами.

Русскіе согласились уступить: Смоленскъ, Бѣлую, Дорогобужъ, Рославль, Городище Монастыревское (Муромскъ), Черниговъ, Стародубъ, Попову Гору, Новгородъ-Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Серпейскъ, Невель, Себежъ, Красный да волость Велижскую съ тѣмъ, что къ той волости изстари потянуло. — По польскимъ извѣстіямъ, въ это время въ Москвѣ происходили сильныя волненія между чернью; по извѣстію нашего лѣтописца, казаки, не хотя долѣе сидѣть въ Москвѣ и не терпя быть безъ воровства, взбунтовались ночью въ числѣ 3,000, проломали острогъ за Яuzzою и побѣжали. Царь послалъ за ними князя Димитрія Тимоѣевича Трубецкаго и Данилу Ивановича Мезецкаго уговаривать ихъ возвратиться; князья успѣли ихъ воротить; но казаки остановились у острога и никакъ не хотѣли входить въ городъ, боясь наказанія. Тогда царь послалъ другихъ бояръ уговорить ихъ, и казаки вошли въ городъ. 19 ноября Шереметевъ и Мезецкій получили наказъ: ѣхать на съѣздъ къ бискупу Каменецкому съ товарищами и закрѣпить перемирныя договорныя записи; боярину Оедору Ивановичу — ѣхать въ Троицкій монастырь и оттуда обослаться съ комиссарами и съѣздное мѣсто приговорить. На съѣздѣ требовать, чтобъ Поляки отдали боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго да князя Юрія Никитича Трубецкаго съ женою и дѣтьми, если они сами захотятъ, и всѣхъ московскихъ людей, которые теперь при королевичѣ, а которые въ Литвѣ и захотятъ ѣхать въ Московское государство, то отпустить. Если бу-

детъ можно, то Шереметову сослаться съ княземъ Шуйскимъ и другими, и спросить, надобно ли о нихъ говорить по договорнымъ записямъ; если они будутъ государеву жалованью рады и захотятъ, чтобъ послы о нихъ говорили, то говорить; а если Русскіе люди прикажутъ, чтобъ о нихъ не говорить,—то и не говорить.

Королевичъ, отступя отъ Москвы, пошелъ къ Троицкому монастырю, но на требованія сдачи архимандритъ и келарь съ братією велѣли бить изъ наряда по польскимъ войскамъ. Королевичъ отступилъ, и сталъ за 12 верстъ отъ монастыря, въ селѣ Рогачевѣ. Гетманъ Сагайдачный прямо отъ Москвы отправился подъ Калугу, и на дорогѣ взялъ острогъ въ Серпуховѣ, но крѣпости взять не могъ. Въ Калугѣ точно также онъ успѣлъ выжечь острогъ, но въ крѣпости отъ него отсидѣлись. Королевичъ распустилъ своихъ людей въ Галицкія, Костромскія, Ярославскія, Пошехонскія и Бѣлозерскія мѣста; но въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Поляки были настигнуты воеводою княземъ Григоріемъ Тюфякинымъ и побиты. Между тѣмъ уполномоченные—Новодворскій, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій—занимали Святково, отъ 10 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Приѣхавши въ монастырь, Шереметевъ послалъ въ Святково Соловаго-Протасьева спросить уполномоченныхъ литовскихъ о здоровьи и пригласить на съѣздъ. Сапѣга и Гонсѣвскій отвѣчали Протасьеву съ сердцемъ, что посланниковъ ихъ, Христофора Сапѣгу съ товарищами, великіе послы въ Москвѣ задержали долго, и вымогли на нихъ неволю, что искони-вѣчный лучшій сѣверскій городъ Брянскъ оставили въ своей сторонѣ къ Московскому государству, и написали въ своемъ перемирномъ образцовомъ спискѣ за Брянскъ Попову Гору, а они такого города, Поповой Горы, не знаютъ и не слыхивали, также у Велижской волости рубежей не описали. Протасьевъ отвѣчалъ, что за Брянскъ уступлено три города—Серпейскъ, Псковской пригородъ Красный, да въ Сѣверской странѣ городъ Попова Гора, да еще Велижская волость. Левъ Сапѣга сказалъ на это: „Съ вами намъ теперь объ этомъ говорить нечего, станемъ говорить съ вашими великими послами, какъ будемъ на съѣздѣ“. Протасьевъ отвѣчалъ: „Только вамъ великимъ посламъ то конченное дѣло начинать теперь съизнова, то царскаго величества великіе послы сверхъ того договора, о чемъ съ вашими посланниками договорились и уложили,—ни о чемъ съ вами говорить не станутъ“. Гонсѣвскій продолжалъ съ сердцемъ: „Я самъ въ Псковѣ бывалъ и псковскіе пригороды всѣ знаю, въ Красномъ не только-что города, давно и закладни никакой нѣтъ, — все пусто“. Потомъ литовскіе послы начали говорить, чтобъ на другой день съ обѣихъ сторонъ съѣхаться дворянамъ и разыскать съѣзжаго мѣста, да чтобъ людей было при съѣздѣ по 100 человекъ конныхъ да 50 пѣшихъ съ каждой стороны. Левъ Сапѣга прибавилъ: „Какъ вы приѣдете къ вашимъ великимъ посламъ, то поговорите о насъ, чтобъ они

намъ прислали рыбки“. Протасьевъ отвѣчалъ: „Къ великимъ посламъ рыбы никакой изъ городовъ за вашими Литовскими людьми къ Москвѣ не прихаживало ни откуда“.

Дворяне принесли съѣздное мѣсто въ Троицкой деревнѣ Деулинѣ, по Углицкой дорогѣ, отъ Троицы въ трехъ верстахъ, отъ Святкова—въ пяти, и 23 ноября былъ первый съѣздъ. Литовскіе послы начали говорить, что московскіе послы вымогли силою у ихъ посланниковъ Брянскъ: „Вы въ записи своей написали, что мы вамъ говорили о королевичѣ, и вы то дѣло ставите минувшимъ; такъ вамъ бы этого дѣла минувшимъ не называть; то дѣло Божіе; прошлую пятницу видѣли вы на утренней зарѣ звѣзду съ лучемъ, стояла она надъ вашимъ Московскимъ государствомъ, и вы по той звѣздѣ увидите, что надъ вами сдѣлается за такія неправды“. Московскіе послы отвѣчали: „Знаменье небесное бываетъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому непригоже. Богъ не даль знать, которому государству что отъ того будетъ. Мы думаемъ, что это знаменіе совершится надъ вашимъ государствомъ; небесное знаменіе—тварь Божія, Ему, Творцу, и работаетъ, а разсуждать про то никому не надобно. А если вы посланниковъ своихъ договоръ станете переговаривать, то впередъ чему же вѣрить?“ Литовскіе послы стали говорить съ сердцемъ, а поощрялъ ихъ на всякое зло Александръ Гонсѣвскій: „Вы на нашихъ посланникахъ вымогли многія статьи не противъ нашей образцовой записи!“ кричали Поляки. Московскіе послы отвѣчали: „Если уже ваша посольская вѣрящая грамота, что дали вы вашимъ посланникамъ, не пряма стала, то впередъ чему вѣрить? А намъ тѣхъ обѣихъ записей переимѣнить отнюдь нельзя, сверхъ договора и сверхъ совѣта братьевъ нашихъ, великаго государя бояръ и всѣхъ его думныхъ людей, и всего великаго Россійскаго государства“. Гонсѣвскій сталъ говорить: „Какое ваше сходительство къ доброму дѣлу? Многія Бѣльскія волости оттягиваете ко Ржеву, а Велижскія многія волости написаны къ Торопцу, и за Бѣльскія волости, да за Велижскій рубежъ еще крови много литься. А теперь вы приѣхали къ намъ съ указомъ и велите дѣлать по-своему, такъ же какъ и посланникамъ нашимъ; не дай Богъ литовскимъ посламъ и посланникамъ у васъ въ Москвѣ никогда бывать; хорошо съ вами съѣзжаться на полѣ,—тутъ вы намъ не указываете, потому что у насъ съ вами все равное, а въ Москвѣ литовскимъ посламъ переговоры вести—несчастье: все вымогаете силою. Я былъ у васъ въ Москвѣ при царѣ Василии, и едва съ головою выѣхалъ, а многія статьи черезъ мою волю государь вашъ на мнѣ силою вымогъ, чего было мнѣ дѣлать нельзя. Прежде того царь Борисъ на канцлерѣ Львѣ Ивановичѣ перемирье на 20 лѣтъ вымогъ силою, а вы теперь на посланникахъ нашихъ вымогли силою то, чего было имъ дѣлать не наказано, мы бы съ вами на столько лѣтъ перемирья не сдѣлали“. Московскіе послы отвѣчали, что въ

Москвѣ всѣмъ посламъ честь оказываютъ, никогда ни у какихъ пословъ силою ничего не вытягивали: „Вы это говорите, покрывая свои неправды, потому что никогда по договору перемирныхъ дѣлъ не сдерживаете и крестное цѣлованье нарушаете“. Левъ Сапѣга сказалъ на это: „Птичку хотя въ золотую клѣтку посади, да макомъ и сахаромъ ее корми, а воли и свѣту видѣть не давай,—то ей все ни во что; такъ и человѣкъ, будучи въ неволѣ, что и негодится дѣлаетъ. Я къ вашему парю Борису приходилъ отъ короля въ послахъ и былъ у него задержанъ долгое время, бояре ваши вымогли на мнѣ перемирия большія лѣта силою, а вы насъ теперь пріѣхали обманывать; но мы еще на своей волѣ, а не въ вашемъ задержаньи“. И говорилъ много сердитыхъ, непристойныхъ рѣчей. Тогда московскіе послы, видя, что литовскіе послы сердиты и бояся отъ нихъ разрыва, взяли у нихъ тетрадь съ ихъ записью, чтобъ сравнить съ своею, и нашли во многихъ статьяхъ многія прибавочныя слова; на примѣръ: прибавлено въ королевскомъ титулѣ названіе „Черниговскій; къ статьѣ—отпустить Смоленскаго архіепископа Сергія—прибавлено: „если захочетъ“; въ записи у московскихъ посланниковъ было сказано о государѣ: „Котораго у себя теперь (Русскіе) великимъ государемъ Московскимъ имѣютъ“, а въ польской тетради оказалось—„Котораго у себя теперь государемъ Московскимъ именуютъ“. Последнюю перемирию, впрочемъ, литовскіе послы обѣщали выпустить, и на томъ разѣхались.

Когда Шереметевъ донесъ объ этомъ царю, то получилъ наказъ стоять накрѣпко; но если захотятъ разорвать, то допустить эти прибавки. Исполняя наказъ, московскіе послы на второмъ сѣздѣ начали стоять крѣпко противъ прибавокъ. Польскіе послы отвѣчали имъ съ сердцемъ, грозили, что полки гетмана Радзивила, занятые прежде Шведскою войною, теперь, послѣ перемирія со Шведами, стали свободны и придутъ на помощь къ королевичу: „Еще вамъ кровь христіанская не надокучила; будто съ нами послуετε (посольство отправляете), а на самомъ дѣлѣ только маните да обманываете; но мы никакихъ вашихъ обмановъ не боимся, а надѣемся на волю Божию, на свою передъ вами правду и на свое рыцарство,—можемъ съ вами управиться. Если доброе дѣло между нами не сдѣлается, то навестъ вамъ этими своими указами такой на себя покой, что ни одного младенца въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не останется. Намъ такъ не писать: „Кого вы теперь великимъ государемъ имѣете;“ много государю вашему отъ насъ и той чести, что мы въ своей записи написали: „Котораго у себя нынѣ великимъ государемъ именуютъ“. Московскіе послы возражали, что Поляки сами на первомъ сѣздѣ обѣщали оставить постарому о государѣ: „имѣютъ“, а не „именуютъ“: „Впередъ уже чему вѣрить? какъ вамъ такимъ великимъ и честнымъ людямъ не стыдно, что приговорите и на томъ не стоите!“ Польскіе послы отвѣчали: „Если бы вы всѣ въ Мо-

сковскомъ государствѣ захотѣли себѣ добра да доби́ли челомъ государю своему королевичу, тогда бы всѣмъ вамъ всякій покой былъ и кровь христіанская унялась бы; а то вы, забывъ государя своего, причитаетесь невѣдомо кому“,—и говорили про великаго государя непригожія рѣчи. Московскіе послы отвѣчали: „Мы про вашего государя такія же непригожія рѣчи говорить станемъ, и за то будетъ еще больше крови литься“. Литовскіе послы кричали съ сердцемъ: „Мы въ васъ никакой правды не чаемъ, все дѣлаете проволокою. Мы еще изъ Варшавы писали вамъ о посольствѣ и послали Яна Гридича, чтобъ вамъ съѣхаться съ нами и говорить о добромъ дѣлѣ на границѣ, а вы Гридича задержали у себя долгое время и къ намъ отпустили ни съ чѣмъ; пріѣхавши въ Вязьму, мы опять къ вамъ писали, а вы отвѣчали, что съѣхаться между Вязьмою и Волокомъ; мы ждали васъ долго—и не дождались; пришедши подъ Можайскъ, опять къ вамъ писали, и вы отвѣчали, что будете на сѣздѣ на рѣку Истру, но и тутъ васъ не дождались; потомъ писали, чтобъ съѣхаться на Химѣ, но вы и на Химѣ съѣзжаться не захотѣли, а прислали, чтобъ съѣхаться подъ Москвою на рѣкѣ Прѣснѣ, и тутъ едва на сѣздѣ поѣхали; вы насъ изволокли мало не два года; теперь вы насъ затруднили въ зиму, а на насъ приходитъ все войско съ шумомъ, кричатъ, что они зимою изъ вашей Земли идти не хотятъ, хотятъ королевичу служить всю зиму безъ денегъ“. Левъ Сапѣга кричалъ: „Присягаемъ вамъ, что больше съ вами дѣлать не станемъ, завтра же затынемъ на васъ людей, а сами поѣдемъ въ Литву на сеймъ“. Московскіе послы отвѣчали: „Грозите намъ войною и сверхъ договора своихъ посланниковъ хотите опять кровь начинать; но рать дѣло Божіе, кому Богъ поможетъ; въ городахъ теперь много людей въ сборѣ, а на весну и изъ другихъ государствъ на помощь много людей придетъ“. Явилось и новое затрудненіе: Литовскіе послы не ручались, что Запорожцы, Лисовчики и полкъ Чаплинскаго послушаются ихъ приказа и выйдутъ немедленно изъ Московской Земли по заключеніи договора. Московскіе послы говорили, что они объ этомъ и слушать не хотятъ; Поляки соглашались написать, что выведутъ съ собою Лисовчиковъ и полкъ Чаплинскаго, но отказывались вывести Запорожцевъ. Во время этихъ споровъ къ сѣзжей избѣ къ окну, подлѣ котораго сидѣли московскіе послы, подошелъ Соловой-Протасевъ и сказалъ, что говорилъ ему Литвинъ Мадалинскій: „Этою ночью пріѣзжалъ въ Сватково къ литовскимъ посламъ королевичъ, и говорилъ, что пришелъ къ нему изъ Польши листъ, чтобъ съ московскими послами скоро не мириться, а хочетъ онъ королевичъ Полякамъ дать гроши на двѣ четверти года“. Услыхавъ эту вѣсть, московскіе послы начали уступать; но сѣздъ кончился ничѣмъ; Гонсѣвскій говорилъ: „Хотя мы, помирясь, изъ вашей Земли и выйдемъ, но ваши казаки инаго вора добудутъ,